

ОТ РЕДАКЦИИ

Ниже мы публикуем в дискуссионном порядке серию статей о народах Памира. Читатель легко убедится в том, что мнения авторов — А. С. Давыдова, с одной стороны, и остальных, с другой — об этнической принадлежности и происхождении коренного населения Горного Бадахшана резко расходятся. Вопрос ставится так: образуют ли памирцы не более чем периферийную часть таджикского этноса или же они представляют собой самостоятельные народы (хотя и родственные таджикам), обладающие собственными языками, самобытной культурой и специфическим этническим самосознанием. Промежуточное положение между этими двумя точками зрения занимает концепция Л. Ф. Моногаровой.

Подобные дискуссии имеют несомненную пользу как для развития этнологической теории, так и для постановки актуальных национально-политических проблем, для выяснения общественных функций этнографии в их решении. Публикуя материалы по памирскому вопросу, мы, кроме всего прочего, имеем в виду, что подобные «вопросы» существуют, возникают или могут возникнуть и в других регионах страны. Идеологическую подоплеку здесь составляет противостояние двух подходов к перспективам развития нашего многонационального государства: старого подхода, заключающегося в искусственном упрощении этнической структуры общества, и, условно говоря, нового подхода (в отечественной этнографии он во все времена был доминирующим), получившего дополнительный импульс в последние годы. Его смысл заключается в признании права на существование и развитие за всеми народами, большими и малыми, недопустимости грубого вмешательства в ход естественно-исторических процессов — будь то процессы этнической консолидации, интеграции, дивергенции или ассимиляции.

Дискуссия возникла достаточно спонтанно. Вряд ли ее невольный инициатор А. С. Давыдов рассчитывал, что его статья вызовет столь острую полемику. Редакция, однако, сочла необходимым предоставить возможность высказаться и другим специалистам: обсуждаемый вопрос слишком принципиален, чтобы оставить его без всестороннего и объективного анализа.

А. С. Давыдов

НЕ ОБОСНОВАННО, ЗАТО... ПУБЛИЦИСТИЧНО *

С. В. Чешко в статье «Время стирать „белые пятна“»¹ отмечает, что не все обстоит благополучно с соблюдением национальных прав народов страны, что не все они имеют равные возможности для развития собственных культур, что это касается даже некоторых народов, имеющих автономию, т. е. пользующихся определенными конституционными правами. В качестве одного из наиболее ярких тому примеров автор приводит длящуюся, по его мнению, уже несколько десятилетий историю с населением Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР.

С. В. Чешко пишет, что на территории ГБАО кроме таджиков и киргизов проживают так называемые памирские народы — шугнанцы, язгулемцы, рушанцы, ишкашимцы, ваханцы и др., представляющие собой особые этносы, обладающие собственной историей, сохраняющие родные языки, культурные традиции, этнические самосознание и самоназвания. Учет этнических и других особенностей памирских народов, считает С. В. Чешко, послужил основанием для создания в 1925 г. ГБАО. Однако, продолжает С. В. Чешко, начиная с переписи населения 1959 г., эти народы исчезли из официальных статистических сводок о населении страны. Руководство Таджикистана, утверждает С. В. Чешко, игнорировало их существование и успешно навязывало свою точку

* Статья публикуется в том виде, в каком она получена от автора.

зрения ЦСУ СССР. Аргументирует свою позицию руководство Таджикистана, пишет С. В. Чешко, вовсе не естественной ассилиацией памирцев таджиками, а тем, что памирцы по своему происхождению — таджики, а их языки — не более чем диалекты таджикского языка.

Этнографы, заявляет С. В. Чешко, не раз доказывали несостоятельность этой «концепции», неоднократно ставили вопрос перед руководящими органами о необходимости восстановить истину и справедливость. Однако, сокрушаются С. В. Чешко, положение ухудшается, активизировались сторонники отаджичивания памирцев, среди которых есть деятели от науки, есть и лица, претендующие на роль народных глашатаев. При этом, утверждает С. В. Чешко, применяется фальсификация исторических, этнографических, лингвистических данных, тенденциозное толкование исследований одних ученых и обвинение других в подстрекательстве к национализму, даже запугивание перспективой «второго Карабаха»².

То, что пишет С. В. Чешко относительно населения ГБАО, об отношении к нему руководства республики, о «деяниях от науки», которые направляют руководство республики на это дело, не может оставить равнодушным читателя, особенно заинтересованного. Все это, конечно же, вызывает чувство возмущения. Однако направление чувств читателей будет зависеть от их информированности по данному вопросу. Конечно, возмущение большинства, если не всех читателей «Советской этнографии», будет направлено против руководства Таджикистана и иже с ним «деятелей от науки». Все же у некоторых читателей могут возникнуть вопросы. Например, такой: зачем руководству Таджикистана искажать действительность и ставить себя в такое, мягко выражаясь, неловкое положение, ведь сейчас время гласности, рано или поздно ложь разоблачится. Но, допустим, как и полагается бюрократам, руководство республики близоруко. Вопрос другой: почему С. В. Чешко, затрагивая столь острую проблему, обвиняя руководство Таджикистана в нарушении прав части населения своей республики по столь серьезному вопросу, не обосновывает свои утверждения ссылкой на соответствующие источники, литературу. Сам С. В. Чешко в ГБАО не был, следовательно, он пользуется чьими-то данными, какими-то публикациями. Но чьими, какими? Хотя С. В. Чешко и не ссылается на источники своей информации, они нам известны, и мы ниже восполним это его «упущение».

Реальность этнического состава населения ГБАО такова³. Автономная область образована на территории правобережной части исторических областей Бадахшана и Дарваза и высокогорного плато Памира. Левобережная часть Бадахшана и Дарваза входит в состав Афганистана. Раздел этих исторических областей произошел по русско-английскому договору 1895 г., согласно которому сфера влияния этих держав устанавливалась по реке Пяндж — Амударья. Автономной области было присвоено название исторической области Бадахшан, и так как она охватывала горную часть последней, то вновь образованную автономную область назвали Горно-Бадахшанской. После присоединения этих территорий к России название Памир стало весьма популярным и оно распространилось фактически на всю ГБАО. В результате название ГБАО осталось как официальное, и сейчас вся область обычно называется просто Памиром, при этом настоящий Памир — Восточным Памиром, а Горный Бадахшан и Дарваз — Западным Памиром. Но само население до сих пор хорошо помнит историческое деление своей современной автономной области.

На Памире (Восточном) живет небольшое количество киргизов — тюркоязычное население, ведшее до Октябрьской революции кочевой образ жизни, а в Горном Бадахшане и Дарвазе — исконо оседлое ираноязычное население. Одна часть этого ираноязычного населения говорит на западноиранском — таджикском языке, а другая — на соответствующих восточноиранских языках — язгулемском, рушанском, шугнанском, ишкашимском и ваханском. Носители язгулемского языка — жители исторического района исторической области Дарваз, а носители остальных восточноиранских языков — жители соот-

ветствующих (исторических) районов исторической области Бадахшан — Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана. Язык населения исторической области Дарваз, кроме упомянутого его района Язгулем,— таджикский. Таджикским является и язык населения одного исторического района Горного Бадахшана — Горона, расположенного между Шугнаном и Ишкашимом. Исторический район Ишкашим на нашей советской стороне представлен только тремя кишлаками, население двух из них говорит по-таджикски.

Упомянутые пять групп населения ГБАО, употребляющие в качестве разговорного соответствующие восточноиранские языки, и названы С. В. Чешко «памирскими народами».

Теперь о том, таджики или нет эти «памирские народы».

Подавляющее большинство таджиков говорит на западноиранском языке, который раньше назывался персидским (порси, форси), теперь — таджикским. Таджикский народ сложился на базе консолидации ряда народов, языки многих из них были восточноиранские — согдийский, бактрийский и др. После арабского завоевания (начало VIII в.), с распространением ислама, среди предков таджикского народа, особенно на восточной части его этнической территории, стал активно распространяться персидский (таджикский) язык. На западной части этнической территории таджикского народа таджикско-персидский язык существовал раньше. Так постепенно на этнической территории таджикского народа восточноиранские языки были вытеснены западноиранским языком, сложившимся на основе персидского, причем литературная форма этого языка сложилась в пределах этнической территории таджикского народа, и это было связано с консолидацией предков таджиков в единый народ, что произошло в IX—X вв. в государстве Саманидов⁴. Хотя ко времени завершения процесса формирования таджикского народа (IX—X вв.) таджикско-персидский язык и стал общенародным языком (языком литературы, государственного делопроизводства и т. д.), но разговорным — не сразу и не везде. До наших дней восточноиранские языки в качестве разговорных сохранились не только в верховьях Амударьи (ГБАО), но и в верховьях Зеравшана — в Ягнобе. Относительно ягнобского языка точно установлено, что он — диалект согдийского языка. О происхождении так называемых памирских языков в науке определенного заключения нет. Известный иранист И. М. Оранский пишет: «Можно полагать, что современные афганский, мунджанский и йидга, ваханский, ишкашимский с санглическим, языки шугнано-рушанской группы продолжают собой различные сакские и бактрийские диалекты, распространенные в древности на территории Восточного Туркестана и исторической Бактрии...»⁵.

Население ГБАО, сохранившее свои восточноиранские языки в качестве разговорных с глубокой древности наравне с другими таджиками стало пользоваться таджикско-персидским языком в качестве языка литературы, государственного делопроизводства и других сторон духовной жизни, а также как средством общения между носителями этих языков⁶.

О распространении таджикско-персидского языка среди интересующего нас населения в XIX — начале XX в. имеется большое количество свидетельств. Как отмечалось, современный таджикский язык назывался персидским. Известный таджиковед, этнограф и лингвист М. С. Андреев, отметив это обстоятельство, указывает, что население Горного Бадахшана, говорящее на восточноиранских языках, свои языки называет таджикским, а современный таджикский язык — персидским и говорящих на этом языке — «форсизабон», «форсигу», т. е. говорящими на персидском⁷.

А. Черкасов, секретарь Российского политического агентства в Бухаре, неоднократно бывавший в Горном Бадахшане в 1904—1905 гг., владел таджикско-персидским языком. «Общим языком (и родным для населения Горана) служит бадахшанский диалект персидского языка, которым свободно владеет девять десятых населения бекства, не исключая женщин и подростков. Тот же язык служит для письменных сношений: на нем изложены священные книги

таджиков, и все грамотные люди в Шугнане, Вахане и Рушане знакомы более или менее с классической персидской литературой»⁸.

Полковник генштаба Муханов: «Киргизы говорят на тюркском наречии, а таджики на местных — шугнанском, ваханском, ишкашимском, сильно друг от друга различающихся. Необходимость сношений последних между собой заставляет их прибегать к общепонятному до некоторой степени персидскому языку...»⁹.

Подполковник генштаба Эгерт: «Разговорный язык в Шугнане, Рушане и Орошоре одинаковый, но ваханская наречие сильно отличается от предыдущих. Общим языком и языком письменности для всех таджиков служит персидский»¹⁰.

А. Серебренников: «Кроме местного наречия, на котором жители ханства объясняются исключительно между собой, они говорят преимущественно на персидском языке»¹¹.

Известный лингвист И. И. Зарубин, побывавший в Горном Бадахшане впервые в 1914 г., пишет, что здесь путешественнику, знающему таджикский язык, переводчик не нужен, «так как по-таджикски говорят почти все горцы»¹².

Пожалуй, ярким показателем широкого распространения таджикско-персидского языка в Горном Бадахшане может служить наличие у населения области богатого фольклора на этом языке. А. Н. Болдырев, отметив, что средством общения между разноязычными горнобадахшанцами служит таджикский, пишет: «Отмеченное выше характерное двуязычие памирцев проявилось и в устном народном творчестве. Памирцы рассказывают свои песни и прозу — сказки и поют предания на двух языках: родном (т. е. одном из памирских) и бадахшано-таджикском»¹³.

Горнобадахшанцы от остальных таджиков отличаются не только наличием своих особых разговорных языков, но и религией, о чем почему-то забыл сказать С. В. Чешко. Они, хотя, как и другие таджики, мусульмане, но исповедуют ислам исмаилитского толка, а остальные таджики — суннитского.

Такая ситуация, когда части народа имеют свои разговорные языки, отличаются религией, характерна не только для таджиков. Показательно, что, по подсчетам специалистов, в мире насчитывается до 5000 языков, а народов, с учетом и самых мелких племен, численностью в несколько десятков людей — от 2000 до 3000¹⁴. Факты языковой неоднородности народов мира широко известны и послужили основой выработки в этнографии положения, согласно которому при отсутствии единого разговорного языка признаком языковой общности народа служит наличие единого литературного языка¹⁵. Языковая ситуация у горнобадахшанцев вполне соответствует этому положению. Фактов религиозной неоднородности народов еще больше¹⁶, чем языковой.

В свете фактов языковой неоднородности народов в этнографии принято положение о том, что хотя язык и является важным этническим признаком, но не абсолютным¹⁷. Это положение еще больше относится к религии¹⁸.

В любом случае, независимо от языковой и религиозной однородности или разнообразия основным признаком принадлежности к одному народу является этническое самосознание и самоназвание¹⁹, — говоря проще, кем само себя осознает и называет данное население, к тому народу оно и относится. Следовательно, главным и единственным основанием, доказательством принадлежности горнобадахшанцев к таджикскому народу может служить признание этого ими самими.

О самоназвании горнобадахшанцев данные в литературе появляются еще в первой половине прошлого века. В 1837 г. английский разведчик и путешественник, исследователь капитан Вуд, первый из европейцев после Марко Поло посещает Вахан и от ваханцев узнает, что они сами себя называют таджиками²⁰. После Вуда ГБАО посещают многие русские и зарубежные военные, чиновники, путешественники, ученые. В публикациях многих из них освещается

и вопрос об этнической принадлежности горнобадахшанцев, и во всех случаях они называются таджиками. Таких свидетельств мною собрано более 50. Они приведены наряду с другими данными в подготовленной мною работе об этнической принадлежности горнобадахшанцев. Обычно эти авторы о горнобадахшанцах как о таджиках пишут как о само собой разумеющемся факте. Однако некоторые из них об этом пишут с удивлением. Например, упомянутый барон А. Черкасов: «Речные долины Западного Памира... На этом пространстве живет до 14 500 душ горцев, которые сами себя называют таджиками, хотя с таджиками наших среднеазиатских областей... ничего общего не имеют ни по религии, ни по языку, ни по обычаям»²¹.

Следует отметить, что и другие авторы, писавшие о горнобадахшанцах, как о таджиках, знали, что они отличаются от других таджиков своими разговорными языками и религией.

А. Г. Серебренников: «...ханства Шугнан, Рушан и Вахан населяют таджики, принадлежащие к племени арийскому, ведущие оседлый образ жизни»²². Подполковник Эгерт: «Население всей западной части Памиров состоит из таджиков»²³. Г. Е. Грум-Гржимайло: «Таджики составляют уже сплошное население областей Дарваза, Шугнана, Рошана, Карагина...»²⁴. А. А. Боринской: «В Средней Азии по верхнему течению Пянджа... приютились бедные общества горных таджиков: Вахан, Ишкашим, Горон, Шугнан и Рошан...»²⁵. «При этом,— пишет исследователь в другом месте,— часто говорили: мы такие же таджики, как и жители Дарваза... Вообще среди горцев заметили мы какое-то инстинктивное сознание об общих узах не то родства, не то культуры, связывающие их всех воедино»²⁶. А. Е. Снесарев: «Весь Памир подразделяется на две части — восточный, или киргизский, и западный, или таджикский... второй населен оседлыми таджиками, которых насчитывают около 17 000 душ обоего пола»²⁷. Н. Г. Маллицкий: «Припамирские таджики, говорящие на особых иранских наречиях, себя самих называют таджиками, а остальных таджиков, которые говорят на персидском языке, зовут „порси-гу“ (т. е. говорящие по-персидски)»²⁸.

Среди этнографов особое место в исследовании горнобадахшанцев принадлежит пионеру таджикской этнографии, самому авторитетному таджиковеду, члену-корреспонденту АН СССР М. С. Андрееву. М. С. Андреев, занимаясь в течение своей долгой и плодотворной жизни этнографией Средней Азии и сопредельных областей, особое внимание уделял таджикам. Главным объектом своих исследований ученый избирает Горный Бадахшан, считая, что здесь сохранились самые древние пласти таджикской культуры. Во всех своих публикациях М. С. Андреев горнобадахшанцев называет таджиками²⁹. Кроме этого, в архиве ученого сохранилась его неопубликованная работа «Самоопределение хуфцев»³⁰. В ней ученый приводит свои многолетние (1901—1943 гг.) наблюдения и исследования по вопросу о самоопределении горнобадахшанцев. Излагая свидетельства жителей всех районов Горного Бадахшана, М. С. Андреев заключает: «Это старое самоопределение жителей верховьев Пянджа как „таджик“ нужно принять во внимание и с этим считаться. Действительно, и исторически, и в языковом отношении они таджики».

С. В. Чешко пишет: «Учет этнических особенностей памирских народов, а также особенностей их социально-экономического развития, собственно, и послужил основанием для создания в 1925 г. ГБАО»³¹. Однако для подтверждения столь категоричного ответственного заявления С. В. Чешко ни на какие документы или исследования не ссылается. А документы и исследования по этому вопросу не подтверждают его заявление.

В инструкции, которой была снабжена первая организация Советской власти на этой земле — Военно-политическая тройка, сказано: «Поскольку население Памира неоднородно (Восточный Памир — киргизы, Западный — таджики), поэтому метод для подхода к населению будет различный»³². Из постановления Ревкома Таджикской АССР от 26 апреля 1925 г.: «Считать Памир,

населенный киргизами, и Горный Бадахшан, населенный таджиками, отходящими к территории Таджикистана»³³.

Юрист Л. М. Энтин, первым исследовавший вопрос об образовании ГБАО, пишет: «Основную массу населения края составляют таджики (лишь на Восточном Памире, где население крайне незначительно, проживают киргизы). Однако исторические особенности и естественные условия жизни горных таджиков с течением веков привели к образованию в различных районах Памира этнических групп (шугнанцы, рушанцы и др.), отличающихся определенными особенностями быта и языка... Создание автономного образования делало Советскую власть наиболее доступной и понятной для коренного населения, позволило привлечь широкие трудовые массы к управлению своими собственными делами. В то же время тот факт, что этнические группы населения, проживающие на Памире, принадлежали к таджикам, делало необходимым и обусловило включение ГБАО в состав ТаджАССР, а затем, в 1929 г., в состав Таджикской ССР»³⁴.

В последние десятилетия образованию ГБАО посвящено большое количество публикаций, в которых обосновывается и развивается точка зрения Л. М. Энтина³⁵.

С. В. Чешко сокрушается, что начиная с переписи 1959 г. «памирские народы» исчезли из официальных статистических сводок о населении страны. Такое утверждение предполагает, что до 1959 г. рассматриваемое население во время переписей фиксировалось не как таджики, а как ряд самостоятельных народов. Опять же С. В. Чешко делает это заявление бездоказательно.

Территория ГБАО впервые переписью была охвачена в 1917 г. По материалам этой переписи, «Западной Памир делится на 5 оседлых таджикских волостей...»³⁶, и далее перечисляются Вахан, Ишкашим, Шугнан и Рушан. Переписи в ГБАО проводились в 1924³⁷ и 1925³⁸ гг.— результаты те же.

В материалах переписи 1926 г. в сводной таблице VI—«Население по народности, родному языку» указано количество носителей только язгулемского языка. Названия всех языков горнобадахшанцев перечислены в алфавитном списке языков. Однако ни носители язгулемского, ни других горнобадахшанских языков не выделены как этнические единицы³⁹. В другом выпуске материалов переписи 1926 г. Горный Бадахшан (Западный Памир) назван в числе горных долин, сплошь заселенных таджиками⁴⁰.

Издания с материалами переписей 1939 и 1959 гг. мне найти не удалось. А. К. Писарчик, имевшая возможность ознакомиться с материалами этих переписей, сообщает о численности горнобадахшанцев по количеству лиц, назвавших во время этих переписей родным один из горнобадахшанских (памирских) языков⁴¹. Эти данные А. К. Писарчик приводит Л. Ф. Моногарова⁴². Таким образом, вопреки утверждению С. В. Чешко, никакого «исчезновения» из официальных статистических сводок «памирских народов» не происходило. Другое дело, что их языки после переписи 1959 г. не стали фиксироваться. Это искажение действительности.

Возникает вопрос: имеются убедительные факты, свидетельствующие о том, что горнобадахшанцы — таджики, тогда на каком основании С. В. Чешко без тени сомнения отрицает это, объявляет их самостоятельными народами, обвиняет руководство республики Таджикистан в искажении исторической действительности, в нарушении права этих «народов» на существование?

Этнографические особенности горнобадахшанцев: наличие у них своих разговорных языков, их отличие в религии от других таджиков на фоне земляческого самосознания (по области и району), что широко распространено среди таджиков вообще,— породили сомнения относительно их этнической принадлежности. Сомнения эти стали возникать в связи с переселением значительного количества горнобадахшанцев в другие районы республики. Поэтому в Душанбе, где их больше, чем в других местах, наблюдается пик этих сомнений. Земляческое самосознание и местничество со временем эти сомнения превратили

в предубеждения. Отвратительное явление — местничество по отношению к горнобадахшанцам стало проявляться в сочетании с заблуждением, что люди разной религии, особенно говорящие на разных языках, не могут принадлежать к одному народу. Вот, в числе прочего, и стали упрекать горнобадахшанцев, что они не таджики. И среди самих горнобадахшанцев нашлись «гордецы», которые стали утверждать: «мы — не таджики!» «Гордецы» — в основном представители интеллигенции, особенно активная их часть. Один из активных «гордецов» на мой вопрос, кем он себя считает, ответил: «Те, кто живут там (в ГБАО), они себя считают таджиками, а мы, живущие в Душанбе, себя таджиками не считаем!» И такие «гордецы» полны решимости добиться, чтобы и живущие «там» тоже не считали себя таджиками. Они пишут в местные и центральные газеты, обращаются во все инстанции, добиваясь «правды». При этом они пишут не только сами, но подбивают к этому и других. Среди активных «гордецов» есть люди со степенями, имеют «благожелателей» в соответствующих институтах республиканской и союзной академий. Вот эти активные «гордецы» составляют одну категорию информаторов С. В. Чешко.

Пользовался С. В. Чешко публикациями и непосредственной консультацией «специалистов» в области созданной ими самими «проблемы» этнической принадлежности горнобадахшанцев. Среди них пальма первенства принадлежит Л. Ф. Моногаровой, которая с 1947 г. в ГБАО ведет полевые работы. Уже в первой своей публикации, вышедшей в 1949 г.⁴³, она объявляет, правда мимоходом, население ГБАО народами. С тех пор Л. Ф. Моногарова опубликовала одну книгу и более 10 статей, во всех них утверждается это положение. Обосновывает свое мнение Л. Ф. Моногарова, указывая на отличие горнобадахшанцев от других таджиков в религии, на наличие у них своих языков. Конечно, она в курсе теоретических положений этнографии и признает, что главным признаком для определения этнической принадлежности является самосознание населения — то, кем оно себя считает. Но в этом важном принципиальном вопросе — в вопросе, кем сами себя считают и называют горнобадахшанцы, Л. Ф. Моногарова идет наискажение действительности. Она в своих работах приводит только самоназвания горнобадахшанцев по районам — шугнанец, рушанец и т. д. — и утверждает, что до середины XX в. такова была единственная форма их этнического самоназвания, что они до этого времени себя таджиками не считали и не называли и только в последние десятилетия, утверждает Л. Ф. Моногарова, в результате ассимиляции они стали называть себя памирскими таджиками⁴⁴.

С. В. Чешко упрекает считающих горнобадахшанцев таджиками в том, что они, искажая действительность, объявляют языки этого населения диалектами таджикского языка. К сожалению, у нас имеются такие «теоретики». Но интересно другое. Как я понял из разговора с С. И. Бруком и из контекста статьи С. В. Чешко, такова позиция и руководства нашей республики. Конечно, в ЦК могут работать и не лингвисты, и не этнографы. Как мне представляется, наш ЦК при составлении ответа на упомянутое письмо обращался в соответствующие институты нашей академии. Если так и было, следовательно, кто-то ввел в заблуждение руководство республики, конечно, не без умысла.

С. В. Чешко пишет, что происходит естественная ассимиляция «памирских народов» таджиками, что, по оценкам специалистов, уже практически ассимилировался один из них — ванчцы. Опять он не называет свой источник. Мне известно, что такое утверждение принадлежит только Л. Ф. Моногаровой⁴⁵.

Действительно, И. И. Зарубиным⁴⁶ и М. С. Андреевым⁴⁷ в Ванче было записано предание о существовании там раньше старого языка, им удалось зафиксировать несколько слов этого языка. Наличие когда-то у ванчцев своего старого языка — факт вполне естественный. Уже отмечалось, что завершение формирования таджикского народа сопровождалось распространением на его этнической территории таджикско-персидского языка и вытеснением на значительной части этой территории восточноиранских языков. Если смену ванчцами

своего старого языка новым, таджикско-персидским считать ассимиляцией, то логично надо будет признать результатом ассимиляции само формирование таджикского народа. Но специалисты единодушны в том, что распространение таджикско-персидского языка на этнической территории таджиков не сопровождалось сколько-нибудь значительным переселением его носителей, тем более проникновением их культурного влияния⁴⁸.

Таким образом, как и полагается, искажение частного искажает целое. В данном случае искажение этногенеза и этнической принадлежности части таджикского народа искажает этногенез всего народа.

Примечания

- ¹ Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография. 1988. № 6. С. 3—15.
- ² Там же. С. 5—6.
- ³ Автором подготовлена работа «Об этнической принадлежности горнобадахшанцев» (ответственные редакторы А. Я. Вишневский и Р. М. Масов). Здесь кратко излагаются некоторые основные факты и положения этой работы.
- ⁴ Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962. С. 146—147.
- ⁵ Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. С. 192.
- ⁶ Бертельс А. Е., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в ГБАО экспедиций 1959—1963 гг. М., 1967. С. 8; Хабибов А. Чанд шоири номаълуми Бадахшон // Помиршиности. Масвалаҳои филология. Душанбе, 1975. С. 133.
- ⁷ Андреев М. С. О таджикском языке настоящего времени // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1945. С. 56—70.
- ⁸ См. Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмирят на Западном Памире. М., 1975. Приложения, № 5. С. 109—110.
- ⁹ Муханов. Военно-стратегическое описание Туркестанского военного округа. Памирский район. Ташкент, 1912. С. 38.
- ¹⁰ Эгерт. Очерк Памиров // Сборник материалов по Азии. Вып. 76. СПб, 1902. С. 18.
- ¹¹ Серебренников А. Очерк Памира // Военный сборник, год 42-й. 1889. № 10. С. 458.
- ¹² Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // Сб. Музей антропологии и этнографии. Т. V. Вып. 1. Пг., 1918. С. 229.
- ¹³ Болдырев А. Н. Предисловие // Сказки народов Памира. М., 1976. С. 7.
- ¹⁴ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 89.
- ¹⁵ Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969. С. 27.
- ¹⁶ Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975; Шпажников Г. А. Религии стран Западной Азии. М., 1976 и другие работы этого автора.
- ¹⁷ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 57; его же. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 19.
- ¹⁸ Пучков П. И. Указ. раб. С. 176; Козлов В. И. Этнос и культура // Сов. этнография. 1979. № 3. С. 78.
- ¹⁹ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. С. 24—25.
- ²⁰ См.: Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Пер. с англ. О. А. Федченко, с дополнениями и примечаниями А. П. Федченко, Н. В. Ханыкова и Г. Юля. СПб., 1873. С. 102.
- ²¹ См.: Халфин Н. А. Указ. раб. Приложения. С. 109.
- ²² Серебренников А. Г. Указ. раб. С. 447.
- ²³ Эгерт, подполковник генштаба. Памиры // Сборник материалов по Азии. Вып. 56. 1894. С. 13.
- ²⁴ Грум-Гржимайло Г. Е. Очерки припамирских стран // Изв. Императорского Русского географического общества. Т. 22. СПб., 1896. С. 101.
- ²⁵ Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта. М., 1908. С. 1.
- ²⁶ Там же. С. 46.
- ²⁷ Снесарев А. Е. Религия и обычаи горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 89.
- ²⁸ Малицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент; Самарканд, 1929. С. 52.
- ²⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Вып. 1. Stalinabad, 1953. С. 13.
- ³⁰ Данная статья хранится в архиве М. С. Андреева (6 страниц машинописи). Знакомству с этой статьей я обязан А. К. Писарчик.
- ³¹ Чешко С. В. Указ. раб. С. 5.
- ³² Назаршоев М. Н. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. Душанбе, 1970. С. 34.
- ³³ Фаньян Д. К истории советского строительства в Таджикистане. Сборник документов. Stalinabad, 1941. С. 36.

- ³⁴ Энтин Л. М. ГБАО в составе Таджикской ССР // Тр. юр. ф-та ТГУ им. В. И. Ленина. Т. 5. Вып. 8. 1957. С. 31.
- ³⁵ Одна из последних и обстоятельных — Назаршоев М. Н. Исторический опыт КПСС по руководству социалистическим строительством в ГБАО Таджикской ССР. Душанбе, 1982.
- ³⁶ Материалы всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской республике. Вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г. Ташкент, 1924. С. 14.
- ³⁷ Магидович И. Население Памиров // Бюл. Центр. стат. управления Туркестанской республики. Ташкент, 1922.
- ³⁸ Морозов Б. Горно-Бадахшанский вилайят. (Итоги обследования 1925 года) // Бюл. Центр. стат. управления УзССР. Самарканд, 1927. № 116. С. 3.
- ³⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. С. 49—53.
- ⁴⁰ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. II. Поселенные итоги Таджикской АССР. Самарканд, 1927. С. 26.
- ⁴¹ Писарчик А. К. Припамирские таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962. С. 659.
- ⁴² Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 11.
- ⁴³ Моногарова Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира // Сов. этнография. 1949. № 3. С. 108.
- ⁴⁴ Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей; ее же. Эволюция национального самосознания припамирских народностей // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
- ⁴⁵ Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. С. 13.
- ⁴⁶ Зарубин И. И. К списку памирских языков // Докл. Российской АН. Серия В. 1924. № 6.
- ⁴⁷ Андреев М. С. О таджикском языке настоящего времени. С. 57.
- ⁴⁸ Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии. С. 132; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 373.

С. В. Ч е ш к о

НЕ ПУБЛИЦИСТИЧНО, НО И НЕ НАУЧНО

(Ответ оппоненту)

В своей статье «Не обоснованно, зато...публицистично» А. С. Давыдов предъявил мне весьма серьезные упреки в научной некомпетентности, предвзятости, дешевой публицистичности, потакании нездоровым социальным элементам. Заодно досталось и Л. Ф. Моногаровой, в работах которой автор видит идейный источник моих спекуляций. Полагаю, она сама определит, как ей реагировать на критику А. С. Давыдова, и не нуждается в моей защите, тем более что эта критика не может поколебать ее авторитета как одного из ведущих специалистов по этнографии Таджикистана.

Должен признать, что кое в чем А. С. Давыдов прав. Я и сам считаю, что моя статья «Время стирать „белые пятна“» получилась несколько публицистичной по стилю, чему есть свои объяснения. Готовилась она для широкого читателя, но редакция соответствующего массового издания похоронила ее в своем портфеле. Да и трудно остаться беспристрастным, когда приходится писать о столь болезненной проблеме.

Прав А. С. Давыдов и в том, что я не отношусь к числу специалистов по Памиру — полевых исследований там я действительно никогда не вел (как, впрочем, и сам А. С. Давыдов). И не было бы мне извинения, если бы я взялся, скажем, за описание материальной или духовной культуры народов, которых я в глаза не видел. В данном же случае речь идет о таких вещах, о которых этнограф в силу своей профессиональной подготовки должен уметь судить. Он не обязан браться за подобные темы, но бывают случаи, когда нельзя промолчать. Именно такой случай — вопрос о происхождении и этнической принадлежности припамирских народов, поскольку он уже давно приобрел не только научное, но и политическое значение. Поэтому же, а не из-за личной

обиды я считал необходимым публично ответить А. С. Давыдову. Но, разумеется, я не могу отказать оппоненту в праве иметь собственную точку зрения, как и в праве протестовать против моей статьи, если он принял на свой счет — теперь вижу, что правильно принял, — мое замечание о «деятелях от науки», стремившихся отаджичить памирцев.

Выступление А. С. Давыдова лишил раз показало, что вопрос о населении Горно-Бадахшанской автономной области следовало поднять. А еще больше укрепило меня в этом мнении сопроводительное письмо к статье А. С. Давыдова в редакцию «Советской этнографии», подписанное директором Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН Таджикской ССР Р. М. Масовым. Мне впервые довелось увидеть подкрепленный авторитетом официального бланка научного учреждения вердикт, отрицающий существование припамирских народов: «имеются данные, однозначно свидетельствующие о том, что это население является частью таджикского народа». Если это официальная точка зрения Института им. А. Дониша, то нетрудно представить, на какой теоретической основе будет строиться национально-культурное развитие ГБАО и в дальнейшем. Остается лишь выразить сожаление, что на прошедшей в Звенигороде конференции по проблемам этногенеза народов Средней Азии и Казахстана (ноябрь 1988 г.) этот вопрос не был специально обсужден, хотя и витал в воздухе. Оказывается, компромиссы в науке не столь уж безобидны.

Прежде чем приступить к разбору аргументов А. С. Давыдова, хочу сложить с себя необоснованно навязанные мне лавры изобретателя проблемы этнической принадлежности памирских народов. Впрочем, А. С. Давыдову должно быть хорошо известно, что я их не заслужил. Не является пионером и Л. Ф. Моногарова, о которой в данном случае оппонент почему-то забыл. Для экономии места сошлюсь лишь на одну публикацию, тем паче что я не считаю наилучшей формой научной дискуссии перестрелку цитатами. Имею в виду «Народы СССР. Краткий справочник» (М.; Л., 1958) под редакцией С. П. Толстова, П. И. Кушнера и П. Е. Терлецкого. В справочник включены данные о народах СССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. Воспроизведу часть раздела VII «Иранская группа» с некоторыми купюрками, не влияющими — да поверит мне оппонент — на существование вопроса¹.

Таджики — 1229 тыс. чел. Самоназвание — таджик; язык — таджикский. *Шугнанцы* — 18,6 тыс. чел. Самоназвание — хугнона; язык — шугнанский и таджикский. *Хуфцы* — 1,0 тыс. чел. Самоназвание — хуфидж; язык — хуфшанский (диалект шугнанского) и таджикский. *Бартангцы* — 3,7 тыс. чел. Самоназвание — бартаньгидж; язык — бартангский (диалект шугнанского) и таджикский. *Хуфцы* — 1,0 тыс. чел. Самоназвание — хуфидж. Язык — хуфский и таджикский. *Баджуйцы* — 0,5 тыс. чел. Самоназвание — баджавидж; язык — шугнанский, рушанский и таджикский. *Ваханцы* — 4,5 тыс. чел. Самоназвание — вух; язык — ваханский и таджикский. *Ишкашимцы* — 2,2 тыс. чел. Самоназвание — ишкошуми; язык — ишкашимский и таджикский. *Язгулемцы* — 2,2 тыс. чел. Самоназвание — згамик; язык — язгулемский и таджикский.

Дальше в том же ряду перечислены другие ираноязычные народы: я gnобы, белуджи, джемшиды, среднеазиатские евреи, осетины, талышы, курды, таты, горские евреи. Этнографические группы указаны особо. Таким образом, «открытие» народов ГБАО, стоящих на одном таксономическом уровне с таджиками, произошло задолго до моего рождения. Они фигурировали, в частности, в переписи населения 1939 г. — той самой, сведений о которой, как и материалов переписи 1959 г., А. С. Давыдову не удалось обнаружить. Есть они и в названном академическом справочнике, подготовленном, кстати, специально к переписи 1959 г., которая положила конец их «официальному» существованию, о чем я и писал в своей статье.

В связи с переписями населения А. С. Давыдов уличает меня в одном бездоказательном заявлении — будто бы начиная с переписи 1959 г. эти народы

исчезли из статистических сводок. Исчезли, утверждает оппонент, не народы (они ведь никогда и не фиксировались), а языки. Можно посочувствовать А. С. Давыдову в том, что он не знаком с названной выше публикацией и в результате оказался в несколько неловком положении. Но примечательно другое. Он считает, что языки могут существовать сами по себе, без народов — их носителей. Есть повод поздравить коллегу с развитием ультрадиффузионистской идеи Лео Фробениуса: «Культура растет сама по себе, без человека, без народа»². Этим, правда, идейное родство А. С. Давыдова с классиком мировой этнографии и ограничивается. Его концепция фактически отрицает значение для истории данного региона объективного существования чего бы то ни было: других этносов, их языков, культуры, за исключением таджикского языка и таджикского этноса.

А. С. Давыдов напоминает, что таджикский этнос сложился на базе народов, многие из которых говорили на восточноиранских языках. А происходило это следующим образом. В период после арабского завоевания восточноиранские языки «на этнической территории таджикского народа» были вытеснены — не совсем, правда, ясно, чем: то ли «персидским (таджикским)» языком, то ли «западноиранским языком, сложившимся на базе персидского». И здесь мы подходим к одному из фундаментальных положений концепции А. С. Давыдова. «Хотя ко времени завершения процесса формирования таджикского народа (IX—X вв.) таджикско-персидский язык и стал общенародным языком (языком литературы, государственного делопроизводства и т. д.), но разговорным — не сразу и не везде. До наших дней восточноиранские языки в качестве разговорных сохранились не только в верховьях Амударьи (ГБАО), но и в верховьях Зеравшана — в Ягнобе» (с. 17).

Итак, «общенародный» язык, по мнению А. С. Давыдова, — это язык литературы и делопроизводства, даже если он получил распространение «не везде», а родной разговорный язык — это, видимо,rudiment, хотя он и сохраняется, как в данном случае, еще около тысячи лет.

Чтобы уж наверняка сразить оппонента, А. С. Давыдов вводит в действие тяжелую артиллерию — работы признанных теоретиков современной отечественной этнографии. На это можно было бы заметить, что теория занимается обобщением эмпирических данных с целью познания законов развития, а не подменяет конкретные исследования ради достижения заданного результата. Правда, в нашем обществоведении зачастую делалось как раз наоборот, и А. С. Давыдов, похоже, прочно затвердил уроки прошлого.

Ссылаясь на В. И. Козлова, он указывает, что «при отсутствии единого разговорного языка признаком языковой общности народа служит наличие единого литературного языка» (с. 18). В контексте рассматриваемого вопроса получился небольшой логический фокус: памирцы являются частью таджикского народа в силу существования литературного таджикского языка, а он, в свою очередь, этнический для памирцев потому, что они образуют с таджиками один народ. Сомневаюсь, что В. И. Козлов согласится пойти в соавторы к А. С. Давыдову.

Попал в соучастники и Ю. В. Бромлей, отмечавший, что, «хотя язык и является важным этническим признаком, но не абсолютным» (цитирую А. С. Давыдова, см. с. 18). Точнее, Ю. В. Бромлей в том месте своей книги, на которое ссылается А. С. Давыдов, писал о недопустимости абсолютизации любой этнической черты, а не только языка³, но А. С. Давыдову важно скомпрометировать именно язык. Ему требуется доказать, что наличие у памирцев собственных языков не может служить основанием для их классификации в качестве самостоятельных этносов. При этом он начисто забывает о своих рассуждениях по поводу таджикского языка.

Что же получается? С одной стороны, разговорный язык этноса — это не его этнический язык; последним следует признать литературный язык. Поэтому восточноиранские языки памирцев не являются их этническими языками.

С другой стороны, А. С. Давыдов, явно не замечая противоречивости своей концепции, просто выводит язык из числа сущностных характеристик этноса, утверждая, что «основным признаком принадлежности к одному народу является этническое самосознание и самоназвание». Это утверждение он приписывает Ю. В. Бромлею, либо не поняв, либо фальсифицируя его мысль⁴. Не случайно, думаю, все ссылки на теоретиков этноса А. С. Давыдов дает в раскачченном виде и весьма вольном, вульгаризированном изложении.

Путем подтасовок в теории А. С. Давыдов очень хочет, как видно, доказать, что восточноиранские народы были лишь сырьем для формирования таджикского этноса, что с выходом последнего на историческую арену в пределах его «этнической территории» (границы ее, кстати, А. С. Давыдов не определяет, и тоже, видимо, не случайно) не могли происходить никакие иные этнические процессы, кроме становления и развития таджикского этноса. А. С. Давыдов так уверен в убедительности своих построений, что соглашается не считать памирские языки диалектами таджикского, допускает возможность выведения их непосредственно из согдийского и бактрийского языков, не придает ни малейшего значения факту взаимонепонимаемости таджикского и памирских языков.

Остается только выяснить, каковы же критерии причисления памирцев к таджикам, если ни язык, ни культура (о ней автор практически ничего не говорит) в конечном счете не принимаются во внимание?

В обобщенном виде концепция моего оппонента — если я ее правильно понял — выглядит так. В далеком прошлом памирцы стали таджиками потому, что территория их расселения вошла в зону влияния таджикского языка — того самого «общенародного». Но упрямые «разговорные» языки почему-то сохранились до наших дней, и А. С. Давыдов формулирует новый постулат: язык не является признаком этноса. Отталкиваясь от искаженной им мысли Ю. В. Бромлея (см. выше), автор утверждает, что «главным и единственным основанием, доказательством принадлежности горнобадахшанцев к таджикскому народу может служить признание этого ими самими» (с. 18).

Готов допустить, что незнание законов формальной логики — это не вина, а беда А. С. Давыдова, и он не видит явной противоречивости собственных суждений. Но трудно понять настойчивость, с которой А. С. Давыдов публично искажает этнологическую теорию, одновременно высказывая к ней глубокий питет. Вопреки интерпретации А. С. Давыдова, в работах авторов, на которые он ссылается как на непрекращающую истину, отстаивается комплексное, а не монофакторное понимание этноса, а общность самосознания связывается с общностью культуры и языка. Возможно, А. С. Давыдов введен в заблуждение разработками, касающимися процессов редукции и латентизации этнической культуры в современном мире, феномена существования своеобразно сложившихся этносов с одной языковой основой (английской, испанской, португальской). К обсуждаемому вопросу эти разработки не имеют прямого отношения.

Абсолютизируя значение самосознания, А. С. Давыдов фактически ставит в зависимость от него само существование этноса и тем самым покидает материалистические позиции. Это его дело, но отечественная этнографическая наука, как, впрочем, и мировая, здесь ни при чем. Более того, А. С. Давыдов явно путает самосознание, самоназвание и вербализованную самоидентификацию.

Известно, что самоназвание опосредованно отражает, фиксирует самосознание. Известно также, что экстраполировать современные этнонимы на далекое историческое прошлое следует с величайшей осторожностью: первоначально они могли быть, чаще всего и были, топонимами, политонимами, конфессионимами и т. п. Это касается и термина «таджик». Его распространение на сопредельные народы совсем не обязательно свидетельствовало об их автоматическом превращении в таджиков. Добавим к этому, что есть разница между эндо- и экзоэтнонимами (даже сегодня на Западе в обиходе нередко называют все население СССР русскими). Иными словами, существование и использование термина

далеко не всегда является сущностной характеристикой обозначаемого им объекта.

Соответственно и самоидентификация индивида (например, при переписи населения, при заполнении анкеты, в беседе с интервьюером) может отражать самосознание индивида опосредованно, а то и просто неадекватно. Последнее бывает в тех случаях, когда в данных конкретных условиях он вынужден или считает целесообразным указать не свою истинную национальную принадлежность, а какую-то другую. И такие случаи известны — их было немало именно в Средней Азии в недалеком прошлом, когда иноэтническое население в союзных республиках нередко испытывало определенные неудобства.

Наконец, этнографам хорошо известен феномен многозначности и иерархичности самосознания, когда индивид причисляет себя одновременно, например, к данному этносу, данному субэтносу, данной локальной или региональной общности, к данному государству. Этот феномен особенно характерен для народов, находящихся на стадии этнической консолидации или ассимиляции, для малых народов, ассоциированных с крупными этносами, для этнических групп, живущих в иноэтническом окружении. Так, индец может определить себя следующим образом: кайюга — ирокез — индец США — американец — индец вообще — представитель коренного населения Америки — член сообщества коренных национальных меньшинств (так называемого «четвертого мира»), причем почти в любой последовательности. Житель ГБАО может определить себя так: шугнанец — таджик (или наоборот), шугнанец — памирец — таджик. Насколько мне известно, полевые исследования коллег чаще всего дают именно такие результаты.

Естественно, возникает задача отделения этнического самосознания от других видов самосознания и определения основного уровня этнического самосознания. Задача эта непростая, но решаемая. Думаю, основной уровень этнического самосознания должен совпадать с разговорным языком или языковой самоидентификацией. Например, если тот же шугнанец затрудняется однозначно определить свою национальную принадлежность, а в повседневной жизни пользуется шугнанским языком и считает его родным, то он, конечно же, шугнанец. Но если при этом типе языковой ориентации от считает себя не шугнанцем, а таджиком — пусть будет им. Это укажет на его личное этническое самоопределение, но не на отсутствие вообще или исчезновение шугнанского этноса. Задача исследователя состоит в том, чтобы суметь выявить тенденции этнического развития путем сопоставления процессов, происходящих в том числе и в этническом сознании людей.

А. С. Давыдов не ставит перед собой такую задачу. Он преследует единственную цель — доказать, что памирцы всегда были и остаются таджиками и никем иным они быть не могут. Он отрицает даже саму постановку вопроса о процессе ассимиляции памирцев как пути включения их в состав таджикского этноса — какая там ассимиляция, если они и так таджики!

Изыскания А. С. Давыдова в области самосознания памирцев сводятся лишь к одной операции — выделению его таджикского уровня. И делает он это хорошо известным способом — выборочным цитированием из сообщений путешественников и замечаний исследователей. Причем речь опять-таки идет лишь о самоназваниях, а зачастую просто о том, как назвал памирцев тот или иной автор. Сообщения же, которые могут свидетельствовать против его точки зрения, А. С. Давыдов постарался обойти, хотя некоторые из них он, видимо, просмотрел (например, замечания А. Черкасова, А. А. Бобринского, Н. Г. Маллицкого).

Я опускаю некоторые детали из статьи моего оппонента: ссылку на постановление Ревкома Таджикской ССР и мнение юриста Л. М. Энтина как источники для изучения этногенеза и этнической принадлежности памирцев, неизвестно зачем предъявленный мне упрек в том, что я не упомянул о конфессиональной принадлежности памирцев, и другие. Это все несущественно. Если я, по мнению А. С. Давыдова, искажаю частное и таким образом искажаю целое, то он посту-

пает наоборот, априори формулируя основной вывод и подгоняя под него все прочее. Детали, факты здесь не играют роли.

Еще об одном все же надо сказать. С «гордецами», которые, как утверждает А. С. Давыдов, являются моими основными информантами, я никогда не встречался, и поэтому не могу судить, насколько справедливо или несправедливо он их характеризует. Но сама постановка вопроса о недопустимости выдвижения людьми требований национального характера и причисления себя к данному этносу, а не к другому, выглядит довольно странно на фоне происходящих в стране изменений, политического курса на удовлетворение национально-культурных запросов всех без исключения народов.

И последнее. Чтобы окончательно прояснить для читателя свою позицию, я должен выразить несогласие с новейшей точкой зрения Л. Ф. Моногаровой, изложенной ею в статье «Припамирские народности», которая включена в справочник «Народы мира» (М., 1988). Дело даже не в том, что определение этих народностей как субэтнических групп таджиков не соответствует принятому в науке пониманию народности — этнической общности основного уровня. Сама концепция Л. Ф. Моногаровой представляется мне неудачным компромиссом. То, что эти народы захвачены процессом ассимиляции, еще не дает оснований считать их целиком подразделениями таджикского этноса. Пока хотя бы один шугнанец или ваханец относит себя к своему народу, этот народ нельзя стирать с этнической карты страны. Никакие теоретические построения не дают нам право с олимпийских высот академической науки решать судьбу целых народов. При всем моем уважении к Л. Ф. Моногаровой, я не могу не отметить, что популяризация ее «субэтнической» интерпретации вопроса дает желающим шанс «отменить» припамирские народы уже на иной, гораздо более серьезной теоретической основе, нежели та, которую сконструировал А. С. Давыдов.

Примечания

¹ Народы СССР. Краткий справочник / Под ред. Толстова С. П., Кушнера П. И., Терлецкого П. Е. М.; Л., 1958. С. 9—10.

² *Frobenius L.* Der Ursprung der Afrikanischen Kulturen. В., 1898. S. XIII.

³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С. 19.

⁴ На указанных А. С. Давыдовым страницах Ю. В. Бромлей писал об этническом самосознании как о необходимой, сущностной характеристике этноса, о том, что этноним — это внешнее выражение этнического самосознания у различных групп населения, о таком компоненте самосознания, как представления об общем происхождении. В частности, Ю. В. Бромлей отмечал: «Поэтому этнос представляет только ту культурную общность людей, которая осознает себя как таковую, выделяя себя среди других аналогичных общностей» (Ю. В. Бромлей. Современные проблемы этнографии. С. 224). Надо иметь уж очень большую фантазию, чтобы все это перефразировать и изложить так, как сделал А. С. Давыдов.

Л. Ф. Моногарова

ПАМИРЦЫ — НАРОДНОСТИ ИЛИ СУБЭТНОСЫ ТАДЖИКОВ? (Ответ А. С. Давыдову)

Проблема этнонационального самосознания в этнической истории народов очень сложна. Наше время перестройки и гласности требует пристального внимания к этой проблеме и научного подхода к исследованиям характера межнациональных отношений.

Изучение этногенеза и этнической истории народов, населяющих различные регионы нашей страны, — одна из актуальных задач советской этнографической

науки. Дискуссионная проблема в этом плане — определение этнического статуса восточноиранского по языку основного населения высокогорных долин Западного Памира, административно входящего в Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) Таджикской ССР: являются ли они в настоящее время отдельными народностями или в результате происходивших в прошлом и современных этнических процессов, ассимиляции таджиками памирцев, их можно считать этнографическими группами или субэтносами таджиков?

Высказанная А. С. Давыдовым в его статье «Не обоснованно, зато...публицистично» (см. настоящий номер журнала) точка зрения, отрицающая существование памирских (или припамирских) народностей и необоснованно утверждающая, что восточноиранские по языку различные народности Западного Памира — таджики, ошибочна.

А. С. Давыдов упрекает С. В. Чешко, автора статьи «Время ститать „белые пятна“¹, в том, что тот не был в ГБАО и, следовательно, пользуется «чьими-то данными, какими-то публикациями» (с. 21 в данном номере журнала). Да, действительно, С. В. Чешко в ГБАО не был, не занимался там этнографическими исследованиями, но проявил хорошее знание опубликованных источников по состоянию национального вопроса в стране, и в частности в Таджикистане. А. С. Давыдов также не проводил этнографического изучения населения ГБАО, но, судя по его статье, в отличие от С. В. Чешко, показал полное непонимание этой проблемы и незнание основной литературы и архивных источников по поднятыму им вопросу. Например, А. С. Давыдов упрекает С. В. Чешко в том, что тот пользовался «публикациями и непосредственной консультацией „специалистов“ ... Среди них пальма первенства принадлежит Л. Ф. Моногаровой, которая с 1947 г. ведет в ГБАО полевые работы. Уже в первой своей публикации, вышедшей в 1949 г.², она объявляет, правда, мимоходом, население ГБАО „народами“. С тех пор Л. Ф. Моногарова опубликовала одну книгу и более десяти статей; во всех них утверждается это положение» (см. с. 21 настоящего номера журнала).

Мне очень жаль, но «пальму первенства» в определении населения ГБАО «народами» я должна уступить другим исследователям, крупным ученым: моим учителям, лекции которых я слушала на кафедре этнографии истфака МГУ, С. П. Толстову и С. А. Токареву, а также известным этнографам М. С. Андрееву, И. И. Зарубину, Н. А. Кислякову, А. К. Писарчик, востоковеду А. М. Дьякову, зарубежным языковедам XIX в. Р. Шоу, В. Томашеку, Г. Гриersonу и многим другим. Даже в школьном «Географическом атласе СССР для средней школы» (М., 1938 г.) на Этнографической карте СССР «памирские народы» выделены особой краской. А. Г. Бисnek и Н. М. Зельдович называли население, о котором идет речь, народами³. Их труд опубликован в 1940 г., когда я еще училась в школе. Н. А. Кисляков в 1948 г. писал: «Однако в отличие от упомянутых припамирских народностей (рушанцев, шугнанцев, ишкашимцев, ваханцев), которые в религиозном отношении являлись исмаилитами, язгулемцы принадлежали к мусульманам-суннитам»⁴. Следует отметить, что Н. А. Кисляков был официальным оппонентом на защите моей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук и ответственным редактором упомянутой А. С. Давыдовым моей книги «Преобразования в быту и культуре припамирских народностей» (М., 1972), так что точка зрения Н. А. Кислякова по обсуждаемому вопросу ясна. Учитель А. С. Давыдова, А. К. Писарчик, в 1949 г. писала: «На территории нынешней Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР в труднодоступных высокогорных долинах самых верхних притоков Пянджа, как известно (разрядка моя.—Л. М.), проживают немногочисленные древние иранские народности, сохранившие в силу былой изолированности, до самого последнего времени свои древние языки и обычаи, давно уже исчезнувшие в других местах Средней Азии»⁵. В 1962 г. А. К. Писарчик, характеризуя основное население ГБАО, подчеркнула, что его «составляют припамирские таджики, ранее известные под названием

припамирские народности»⁶. А на этнографической карте Таджикской ССР, составленной по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. (см. вклейку карты между с. 528 и 529 в томе «Народы Средней Азии и Казахстана», ч. 1., М., 1962) по родному языку показаны шесть наиболее многочисленных из припамирских народностей, как их называли исследователи. Известны в литературе они под названиями «иранские племена Западного Памира»⁷, «горцы Западного Памира»⁸, «горцы верховьев Пянджа»⁹, «народы Памира»¹⁰, «припамирские народности»¹¹, «памирские народы»¹², «припамирские таджики»¹³, «памирские таджики»¹⁴ (как они себя сами называют).

В ГБАО, кроме памирцев, проживают в Калаихумском, Ванчском и Ишкашимском районах таджики, а в Мургабском — восточные (или мургабские) киргизы. Русских есть немного в Хороге и районных центрах. Из памирцев в Ванчском районе в долине Язгулема живут язгулемцы (самоназвание «эгамик»), в Ишкашимском р-не, в кишлаке Рын — восточноиранские по языку ишкашимцы («ишкошумы»); в Рушанском р-не — рушанцы («рухни») с локальной группой хуфцами («хуфидж»), бартангцы («бартангидж») с локальной группой рошорвцами («рошорвидж»); в Шугнанском р-не — шугнанцы («хугни») с локальной группой баджуйцами; в Ишкашимском р-не — ваханцы («хик», «вахи»). За рубежом памирцы живут в Афганском Бадахшане (рушанцы, шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы, зебакцы, сангили, мундженцы); в Пакистане (ваханцы в долине Ярхуна и Хунзы, в Читрале — мундженцы и ийдга); в Китайской Народной Республике — сарыкольцы (родственные шугнанцам) и ваханцы.

Родные языки этих народностей взаимонепонимаемы (кроме диалектов шугнано-рушанской группы), и поэтому издавна языком межнационального общения и письменным у них служил западноиранский язык «дари», «форси» (называемый нашими лингвистами «таджико-персидским»). Язык дари был и языком образования, и литературным. В настоящее время он является вторым государственным языком в Афганистане.

О происхождении памирцев в науке существует гипотеза английского лингвиста Т. Барроу (поддерживаемая большинством ученых), который полагает, что на территории Средней Азии и Восточного Ирана постепенно расселялись на протяжении поколенийprotoиндоарийцы, затем переселившиеся в Индию. После их переселения на упомянутых выше местностях Средней Азии и Восточного Ирана продолжали жить оставшиеся protoиндоарийцы. Иранцы, приедя на эту территорию, на протяжении веков смешивались с ними. Об этом свидетельствует сходство ряда обычаяев и верований памирцев с древнеиндийскими¹⁵. Памирцы и таджики имеют общих предков — это древние восточноиранские по языку народности: согдийцы, бактрийцы, тохары, саки. Проникавшие в Ферганскую долину и в междуречье Амударья и Сырдарья с V в. племена тюрок, создавших государство Западно-Тюркский каганат (VI—VIII вв.), не участвовали в этногенезе памирцев, что подтверждают данные антропологии. В связи с культурными и торговыми отношениями с VI—VII вв., особенно после арабского завоевания Средней Азии в VIII в. на территорию Междуречья и Ферганы стал проникать западноиранский язык «дари», «форси» («форси»), постепенно вытесняя восточноиранские языки.

К X в. в эпоху государства Саманидов сложилось ядро таджикской народности с языком «дари», называемым таджикско-персидским, который стал языком письменности, литературы, искусства, науки. На периферии этнической территории формирования таджиков к этому времени сложились самостоятельные припамирские народности со своими родными, как уже отмечалось выше, восточноиранскими языками.

Как было сказано, народности Западного Памира начали формироваться в эпоху раннего средневековья. Они связаны происхождением и общностью культуры (в своей основе восходящей к тохарам), как с таджиками Дарваза, Карагина, Гиссара, так и с таджиками Афганистана и с некоторыми народами Гиндукуша, особенно дардами, а ваханцы — больше всего с саками. А. Л. Грюн-

берг и И. М. Стеблин-Каменский обоснованно включают их в «памиро-гиндукушский этнолингвистический регион»¹⁶, а И. Мухиддинов для XIX — начала XX в.— в выделенный им хозяйственно-культурный тип «оседлые пашенные земледельцы-ирригаторы и скотоводы высокогорных зон Западного Памира, Гиндукуша, Северных Гималаев и Каракорума»¹⁷.

Западноиранский таджикско-персидский язык в процессе становления таджикской народности постепенно вытеснял восточноиранские языки сначала из городских центров, а затем и из сельских местностей. В настоящее время лингвисты отмечают наличие восточноиранских языковых особенностей в каратегинском, дарвазском и бадахшанских диалектах современного таджикского языка. Литературный современный таджикский язык создан только в годы Советской власти на основе бухарского, самаркандского и ферганского диалектов. В труднодоступной долине р. Янгоб у янгобцев сохранился родной янгобский язык, который лингвисты считают реликтом согдийского. В процессе ассимиляции янгобцев таджиками, особенно после переселения значительной их части на вновь освоенные земли и с усилением таджикско-янгобского двуязычия, их родной янгобский язык постепенно изживается. На наших глазах продолжается процесс ассимиляции памирцев таджиками. Этот длительный, многовековой процесс сопровождается развитием двуязычия, о чем говорилось выше, а также эволюцией самосознания, выражющейся в многоступенчатости самоназвания. Так, являющиеся в прошлом одной из припамирских народностей «ванджи» (ванчцы), живущие в долине Ванча (правильнее Ванджа), ассимилированы таджиками лет 200 назад. Они перешли на таджикский в быту, приняли суннизм. И. И. Зарубин писал, что в 1915 году были живы старики, которые в детстве слышали от своих дедов ванчский язык и могли сообщить несколько слов, сохранившихся в памяти¹⁸.

Вслед за ванчцами, называвшими себя таджиками (отметим, что таджики других регионов также считают их таджиками), ассимилируются и язгулемцы. Они двуязычны (как и другие памирцы) и в конце XIX в. приняли суннизм (за исключением некоторых жителей в кишлаке Андербак), часть их считает себя таджиками, но таджики других регионов не признают их, как и других памирцев, таджиками. Следует отметить, что и в настоящее время верующие памирцы — мусульмане-исмаилиты (секта шиитского направления в исламе). Менее интенсивно идет процесс ассимиляции таджиками рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других памирцев.

Многоступенчатость этнонационального самосознания отметил М. С. Андреев, но не соотнес это с этническим развитием памирцев. В отношении хуфцев М. С. Андреев писал: «Сами хуфцы, как и население окружающих их долин, употребляют для самоназвания слово „хувидж“ — „хуфец“. Они себя считают особым народом, отличающимся по языку (в настоящее время диалекту), по происхождению и по обычаям от населения окружающих их долин»¹⁹, и далее он отмечает: «Однако, наряду с определением себя как группы, отдельной от прочих обитателей верховьев Пянджа, все хуфцы, с которыми мне приходилось разговаривать во время моих встреч с ними в Ташкенте в 1901 году и во время моих первых поездок в Хуф в 1907 и 1929 годах, нимало не колеблясь, объявляли себя „настоящими таджиками“, более чистыми даже, чем живущие ниже их по течению реки Пянджа таджики, говорящие на таджикском языке»²⁰. Это противопоставление себя как этноса другому этносу — собственно таджикам западноиранским по языку более отчетливо подчеркнула А. К. Писарчик: «Общее самоназвание „таджик“ применялось для противопоставления таджикам соседних районов ниже по Пянджу, которых припамирские таджики называли „форсигу“, „порсигу“ (говорящие по-персидски), а также „шаары“ — городские. Теперь термин „таджик“ употребляется припамирцами и как самоназвание, и для обозначения прочих таджиков республики, отражая осознаваемое ими национальное единство со всем таджикским народом. Термином „таджик“ называют припамирцев и киргизы Восточного Памира. Равнинные и горные таджики в настоящее время называют припамирцев, „помири“ —

памирцы или иногда „шугни“ — шугнанцы, по имени наиболее многочисленной их группы»²¹.

А. С. Давыдов, очевидно, не знает, что термин «таджик» в прошлом употреблялся и в значении «соседного земледельческого населения» для отличия его от тюркского, скотоводческого; в этом значении его употребляли памирцы. Как отмечает С. И. Брук, «Этноним „таджик“ в Афганистане не всегда четок: таджиками, или парсиванами, т. е. говорящими на языке фарси, часто называют себя и памирские народы и многие пашаи, и ормуры, и различные группы других народов (в том числе и пуштунов), говорящих на языке фарси»²².

Употребление термина «таджик» в значении «соседного земледельческого населения» обусловило то, что многочисленные путешественники и ученые, не являющиеся специалистами-этнографами, на которых ссылается А. С. Давыдов, называли эти народности таджиками, хотя тот же И. Магидович четко отделял шугнанцев от рушанцев и других. Он писал: «Отделенные друг от друга непроходимыми горными хребтами, памирские таджики разбиваются на несколько ветвей, говорящих на столь различных диалектах, что они с трудом понимают друг друга. Ветви эти следующие:

	Мужчины	Женщины	Всего
Шугнанцы	4 782	4 111	8 893
Рушанцы	3 443	2 744	6 187
Ваханцы	1 231	902	2 193
Бадахшанцы-горонцы	498	380	878
Ишкашимцы	114	70	184
Шахдаринцы	15	13	28
Итого таджиков	10 083	8 280	18 363» ²³

(Это данные переписи 1917 г.).

Удивляет, что А. С. Давыдов, ссылается на положение юриста Л. М. Энтина, который пишет, что «исторические и естественные условия жизни горных таджиков с течением времени привели к образованию в различных районах Памира этнических групп (шугнанцы, рушанцы и др.), отличающихся определенными особенностями быта и языка...» (см. настоящий номер журнала, с. 20). Следует отметить, что С. Раджабов и Н. Бободжанов, не ссылаясь на Энтина, писали: «Исторические особенности и природные условия жизни таджиков горных районов в течение веков привели к образованию в различных районах Памира определенных этнических групп (шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы, роштканцы, рушанцы и др.), которые по языку, быту и своей культуре отличались от основного населения Таджикистана»²⁴. Упомянутые авторы, а вместе с ними и А. С. Давыдов проявили полное незнание существования этнических процессов в этом регионе. Кстати, не по названию местности в данном случае возникли этнонимы, а наоборот, по названию народов называют и местности, где они живут. Говоря о расселении народностей на Западном Памире известный демограф Н. С. Гинзбург отметила, что в Припянджских долинах жили ваханцы, шугнанцы, хуфцы и баджуйцы, рушанцы, бартангцы, язгулемцы. «В соответствии с этим отдельные области Западного Памира получили свои названия (Шугнан, Рушан, Вахан и т. д.) и были отдельными небольшими государствами»²⁵. А. С. Давыдову должно быть известно, что, например, самоназвание жителей Язгулема — «згамик», а долина на их языке называется «Юздом», отсюда переделанное название долины и реки — Язгулем, а жителей — язгулемцы; самоназвание ваханцев — «хик», шугнанцев — «хугни», «хунуни». Таким образом, видно, что из переделанного соседними народами этнонима ведет свое происхождение и название местности, а не наоборот.

Следует уточнить, говоря о численности памирцев, что А. К. Писарчик приводит общую численность народностей Западного Памира в 1959 г. по языку, я же в своей книге и статьях даю, кроме общей, численность каждой из них²⁶.

Кстати, говоря о природных границах Памира, А. С. Давыдов должен был бы сказать, что в науке это вопрос дискуссионный. Он причисляет Дарваз к Западному Памиру (с. 16 настоящего номера СЭ), а О. Е. Агаханян и А. Юсуф-

беков отметили, что «Северо-Западная граница Памира проводится по гребню Ванчского хребта и хребту Академии наук»²⁷. Очень жаль, что А. С. Давыдов не читал книгу «Страны и народы Востока» (М., 1975, вып. XVI. «Памир»), в которой опубликованы статьи по проблемам истории и этнографии, лингвистики и географии, статьи видных языковедов, историков, археологов, геологов и др.²⁸ Как видно из статей языковедов Д. И. Эдельман, И. М. Стеблин-Каменского, А. З. Розенфельд, Т. Н. Пахалиной, востоковеда А. М. Дьякова, опубликованных в этом выпуске, они как и востоковед и археолог Е. В. Зеймаль²⁹, этнографы С. В. Чешко и М. В. Крюков³⁰, а также и некоторые другие исследователи считают памирцев народами или народностями. Автор данной статьи³¹, Д. Балхов³², И. Мухиддинов³³ полагают, что в настоящее время памирцев следует считать этнографическими группами или субэтносами таджиков. Многовековой длительный процесс естественной ассимиляции памирцев таджиками идет на наших глазах. В ходе социалистического преобразования хозяйства и культуры припамирских народностей в процессе укрепления межнациональных связей и роста атеизма как у памирцев (исмаилитов), так и у таджиков (суннитов) за годы Советской власти происходило более интенсивное сближение этих народов, что особенно заметно проявилось в эволюции их этнонационального самосознания.

Однако еще в 1940-е годы процесс консолидации таджикской нации не был завершен: «К концу 40-х годов процессы консолидации в стране в основном завершились. В известной мере эти процессы еще имеют место в Средней Азии и Закавказье. Так, в Таджикской ССР малые памирские народности консолидируются в единую нацию с родственными по происхождению таджиками»³⁴. В 1950—1980-е годы этнонациональное самосознание припамирских народностей проявляется в трех формах: во-первых, выясняя национальную принадлежность между собою, они называют свое первичное этническое самоназвание: «згамик», «вахи» и т. п. Во-вторых, при общении с приезжими или посещая другие районы Таджикистана, они называют себя «помири» — памирцами, или «памирскими таджиками», поясняя, что они отличаются от таджиков других регионов языком, обычаями, религией, а определение «памирские» получило этническое значение. В-третьих, за пределами Таджикистана припамирские народности называют себя «таджик» (таджик).

Ассимиляция начинается с перемены языка, в результате культурного влияния ассимилируемая народность перестает считать себя принадлежащей к прежней этнической общности. «Перемена национального самосознания обычно считается конечной стадией процесса ассимиляции»³⁵.

Я полагаю, что конечной стадией процесса ассимиляции является следующий за переменой этнонационального самосознания этап, когда этнос, ассимилирующий другой, меньший по численности этнос (или субэтнос) перестает выделять последний особым названием. Например, когда не только ваханцы, язгулемцы и т. п. будут считать себя таджиками, но и таджики других регионов будут считать их таджиками, как это имеет место с ванджами (ванчцами).

Осознание этнической общности всеми памирскими народностями и этоним «помири» (памирцы), определение родного языка не по первичному названию — например, шугнанский или рушанский, а как «памирский» (при проведении массового анкетного опроса в 1982 г. в г. Хороге из 141 опрошенного «памирским» назвали родной язык 12 чел.), превращение шугнанского языка в язык межнационального общения в Хороге — центре ГБАО, а также общность семейно-бытовой сферы, культурные и экономические связи свидетельствуют о проявлении тенденции к формированию этнической общности «памирцев». Однако, на мой взгляд, эта тенденция консолидации памирцев в особую памирскую этническую общность не имеет перспектив дальнейшего развития при учете все усиливающегося влияния современной таджикской национальной культуры, возрастающей роли таджикского языка, являющегося и языком межнационального общения в течение многих веков, и литературным.

Памирцы, на мой взгляд, переживают в настоящее время переходную стадию своего длительного этнического развития на пути все большего сближения и дальнейшего слияния с таджиками, о чем говорит многоступенчатость их этнонационального самосознания, выражаясь в многоступенчатости их самоназвания. Шугнанец, кандидат философских наук Д. Балхов отметил: «Двойственный характер самосознания припамирских народностей свидетельствует о незавершенности процессов консолидации и о влиянии таких факторов, как религия, традиции их исторического прошлого и географических условий Памира»³⁶.

Учитывая вышеизложенное, я прихожу к следующему заключению об этнической принадлежности памирцев: памирцы двуязычны, причем дети идут в школу, не зная таджикского языка (на котором ведется обучение), они сохраняют свои родные разговорные языки, особенности в семейно-бытовой сфере, некоторые элементы своей традиционной материальной и духовной культуры, верующие исповедуют исмаилизм. Однако памирцы приобщены к современной экономической жизни республики и профессиональной культуре таджиков. Ученые памирцы являются представителями таджикской науки, поэты и писатели памирцы — представители таджикской литературы, памирцы артисты — представители таджикского театрального искусства и т. п. Они осознают себя «памирскими таджиками» и на данном этапе их этнонационального развития они представляют собою этнографические группы или субэтносы таджиков.

Примечания

- ¹ Чешко С. В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография (далее СЭ). 1988. № 6. С. 3—15.
- ² Моногарова Л. Ф. Язгулемцы Западного Памира // СЭ. 1949. № 3.
- ³ Биснер А. Г., Зельдович Н. М. Этнография народов Памира // Сб. СЭ, III. М.; Л., 1940.
- ⁴ Кисляков Н. А. Язгулемцы // Изв. ВГО. 1948. Т. 80. Вып. 4. С. 361—372.
- ⁵ Писарчик А. К. Термины обращения «ло» и «ро» в шугнано-рушанской группе языков в верховых Пянджа (Амударья) // Изв. Таджикского филиала АН СССР. № 15. История и этнография. Сталинабад, 1949. С. 59.
- ⁶ Писарчик А. К. Припамирские таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Ч. 1. М., 1962. С. 657.
- ⁷ Андреев М. С., Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии // Сб. МАЭ. Т. IX. СПб., 1911; Ошанин Л. В. Иранские племена Западного Памира. Т. 1. Ташкент, 1937.
- ⁸ Снесарев А. Е. Религия и обычай горцев Западного Памира // Туркестанские ведомости. 1904. № 90.
- ⁹ Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.
- ¹⁰ Биснер А. Г., Зельдович Н. М. Указ. раб.; Население СССР. Справочник. М., 1974. С. 78; Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 175, 300, 302; Гафуров Б. Г., Мирзоев А. М. // Предисловие к книге Бертельс А., Бакоев М. Алфавитный каталог рукописей, обнаруженных в Горно-Бадахшанской автономной области экспедицией 1959—1963 гг. М., 1967. С. 9—10.
- ¹¹ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 331.
- ¹² Кисляков Н. А. Таджики // Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960. С. 209.
- ¹³ Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 657—658.
- ¹⁴ И. Мухиддинов считает, что население ГБАО, о котором идет речь, являются народностями, в настоящее время ассимилируемыми таджиками, и применительно к настоящему времени называет их памирскими таджиками. (См. Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима. М., 1975; его же. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века. Душанбе, 1984. С. 16).
- ¹⁵ Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств. Душанбе, 1983. С. 3—4.
- ¹⁶ Грюнберг А. Л., Стеблин-Каменский Н. М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // Проблемы картографирования в языкоznании и этнографии. Л., 1974. С. 276—283.
- ¹⁷ Мухиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX — начале XX века.
- ¹⁸ Зарубин И. И. К списку памирских языков // Докл. Российской АН. Серия В. Л., 1924. С. 80; см. также Андреев М. С. О таджикском языке настоящего времени // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сб. 1. Душанбе, 1945. С. 66; Розенфельд А. З. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964.

- ¹⁹ Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. вып. I. С. 11.
- ²⁰ Там же. С. 147
- ²¹ Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 657—658.
- ²² Брук С. И. Указ. раб. С. 302.
- ²³ Магидович И. Население Памиров // Бюллетень Центрального статистического управления Туркестанской республики. Ташкент, 1922. № 23 (1 мая). С. 5.
- ²⁴ Раджабов С., Бободжанов И. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе, 1975. С. 17.
- ²⁵ Гинзбург Н. С. Особенности расселения на Памире // География населения и населенных пунктов СССР. Л., 1967. С. 253.
- ²⁶ Ср.: Писарчик А. К. Припамирские таджики. С. 658—659; Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972. С. 11—12; ее же. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVI. С. 174—175.
- ²⁷ Агаджанян О. Е., Юсуфбеков А. Главные черты природы Памира // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVI. С. 26.
- ²⁸ См. статьи Эдельман Д. И. (с. 41—62), Стеблин-Каменского И. М. (с. 192—193), Розенфельд А. З. (с. 210—221), Пахалиной Т. Н. (с. 222—250), Дьякова А. М. (с. 169—173) // Страны и народы Востока. Вып. XVI.
- ²⁹ Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист. 1988. № 15. Октябрь. С. 64—72.
- ³⁰ Чешко С. В. Указ. раб; Крюков М. В. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // СЭ. 1989. № 2. С. 31.
- ³¹ Моногарова Л. Ф. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей; ее же. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области. С. 156—168; ее же. Эволюция национального самосознания припамирских народностей // Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М., 1980. С. 125—135; ее же. Припамирские народности // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 373.
- ³² Балхов Д. Развитие национального самосознания народных масс в условиях перехода от докапиталистических отношений к социализму: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. философ. наук. М., 1972, с. 17.
- ³³ Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима; ее же. Особенности традиционного земледельческого хозяйства; ее же. Этнографическое изучение Советского Бадахшана. (В соавторстве с Моногаровой Л. Ф.) // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1985. С. 352—384.
- ³⁴ Справочник. «Население СССР». М., 1975. С. 98—99.
- ³⁵ Брук С. И. Указ. раб. С. 80.
- ³⁶ Балхов Д. Указ. раб. С. 17.

А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ ОТКЛИКА А. С. ДАВЫДОВА НА СТАТЬЮ С. В. ЧЕШКО

В № 6 журнала за прошлый год была напечатана статья С. В. Чешко, в которой обсуждались и проблемы памирских народностей. Мы полностью согласны с критикой автором так называемого «письма ветеранов» (газ. «Коммунист Таджикистана», 24 июня, 1988 г.).

По предложению журнала «Советская этнография» мы ознакомились с откликом А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко. Наши возражения А. С. Давыдову, приводимые ниже, неизбежно перекликаются с нашим ответом на «письмо ветеранов», публикуемым в «Памире».

Бросается в глаза, в первую очередь, противоречивость позиции А. С. Давыдова. С одной стороны, он признает, что окончательное решение вопроса об этнической принадлежности зависит от самосознания и является правом самих памирцев. Однако тут же А. С. Давыдов делит всех носителей памирских языков на две группы: благонамеренную, лояльную, признающую себя «таджиками» и группу «смутьянов», зараженную, по его словам, «отвратительным местничеством», настаивающую на языковых и культурных отличиях населения ГБАО

от прочих районов Таджикской ССР. Почему же в данном случае А. С. Давыдов присваивает себе право судить о том, кто прав, а кто не прав в этом споре?

Впрочем, если разобраться, спор этот вызван лишь разным пониманием слова «таджик», получившего в последнее время, на наш взгляд, по крайней мере, два значения: 1— древнее самоназвание населения в самых разных районах (см. ниже); 2— наименование, не такое давнее, так называемой социалистической нации.

Рассуждения А. С. Давыдова относительно термина «таджик» свидетельствуют не только о его недостаточной осведомленности в этом вопросе. Для этих рассуждений характерна еще одна особенность, свойственная вульгарно-социологическому мышлению. Берется многозначный, или во всяком случае, неоднозначный термин, подразумевается лишь одно из его значений, а затем, по воле автора, объявляется крамольным и ненаучным все, что не соответствует этому толкованию.

Да, действительно, термин «таджик» имеет давнишнее распространение на Западном Памире. Он был употребителен там, кстати говоря, задолго до того, как стал общепринятым в остальной части нынешнего Таджикистана. Только термин-то этот в прежние времена имел во многом другое значение, чем в его современном, особенно официальном словоупотреблении. Сегодня «таджик» в понимании А. С. Давыдова, — это представитель одного «народа», «нациии», область проживания которой странным образом почти полностью совпадает с границами Таджикской ССР. Между тем, исторически, а следы этого словоупотребления во многом сохраняются до сих пор, далеко за пределами Таджикистана — от Восточного Туркестана до Западного Ирана, таджиками называли оседлое земледельческое население, противопоставляя его (так же, как и термин «тат») кочевому, преимущественно тюркоязычному населению, сохранявшему племенное деление. «Таджиками» (а свой язык «таджикским») называли себя носители иранских диалектов в Фарсе на юге Ирана (см. «Основы иранского языкоznания. Новоиранские языки. Западная группа...», М., 1982, с. 316). «Таджиками» называли себя этнические группы, говорящие на дардских языках в Афганистане, «таджиками» называли себя и некоторые тюркоязычные группы в Средней Азии, утратившие обычно, в известной степени, свое племенное деление. Термин «таджик» в его официальном значении сравнительно новый, так же, как и термин «узбек». Значительная часть населения Афганистана еще в недавнем прошлом не называла себя таджиками, а ныне приняла в качестве самоназвания этот термин.

В поддержку своей точки зрения А. С. Давыдов приводит без разбора многочисленные цитаты из всевозможных сочинений, написанных как специалистами, так и неспециалистами, не замечая при этом, что приводимые наблюдения иногда свидетельствуют против него. Так, например, в цитате из Н. Г. Малицкого говорится, что «...припамирские таджики ... себя самих называют таджиками, а остальных таджиков ...зовут „порси-гу“ (т. е. говорящие по-персидски)» (с. 19). Странной кажется ссылка на юриста Л. М. Энтина (с. 34) говорящая лишь о невежестве его в проблемах этногенеза, и уж совсем неуместно упоминание мнения некоей анонимной военно-политической тройки (с. 19). Если следовать логике А. С. Давыдова, то все памирцы, живущие на Памире, безоговорочно считают себя «таджиками» (а по мнению А. С. Давыдова, это означает, что они не стремятся сохранять и развивать свою самобытную культуру), а «смутьяны» из Душанбе, пользуясь консультациями «благожелателей» из соответствующих институтов республиканской и союзной академий, выступают против своих родичей на Памире.

Дело обстоит совершенно иначе. Памирцы, живущие в Душанбе, это прежде всего представители памирской интеллигенции, получившие образование на таджикском и русском языках и не имеющие возможности пользоваться родным языком как письменным. Именно то обстоятельство, что эти люди получили образование и проживают в неродной языковой среде, и помогло им глубже

разобраться в сути проблемы и осознать свою обособленность. Эти представители памирской интеллигенции до сих пор пользуются между собой в быту памирскими языками, что, с точки зрения А. С. Давыдова, как мы уже говорили, — «отвратительное местничество».

А может быть, это — естественное стремление представителей малых народов и, конечно, в первую очередь интеллигенции, сохранить свои самобытные языки и культуру? В основу рассуждений А. С. Давыдова положено примитивное и, на наш взгляд, неверное представление о том, что устранение этнического, языкового и иного разнообразия, вытеснение малых языков большими и ассимиляция малых культур — это прогрессивный процесс. Этую нелепую концепцию внушали нам в течение десятилетий всевозможными способами, в том числе и самыми неприглядными. Результаты, как мы знаем сегодня, оказались плачевными, чтобы не сказать трагическими. Вспомним хотя бы судьбу малых народов Севера.

Если верить А. С. Давыдову, то за годы советской власти процесс ассимиляции памирских народностей и консолидации их в таджикскую нацию проходил безмятежно и гармонично по предопределенному историей пути без всяких злоупотреблений со стороны как местных, так и республиканских властей. Напомним, однако, что нововведенная шугнанская письменность использовалась в школах до 1937 г. и была отменена и ликвидирована в этом печально известном году отнюдь не по просьбе местных жителей. Эта акция была частью проводившейся при Сталине под флагом борьбы с местным национализмом уродливой и коварно-лицемерной политики по искоренению национального своеобразия и разнообразия в нашей стране и по натравливанию одних народов на другие (разумеется, в полном противоречии со всем тем, что сам Stalin говорил о национальной политике в своей речи на XVI съезде партии). В ходе этой кампании была уничтожена письменность у многих других народностей, а деятели, ратовавшие за развитие письменности и культуры на родном языке, репрессированы.

Все, что происходило и происходит поныне с памирскими языками, с письменностью и фольклором памирских народностей, является отражением политики насилиственной их ассимиляции, проводившейся на протяжении нескольких десятилетий. Вот только некоторые из частных проявлений этой политики: стало правилом, что руководители не только всей ГБАО, но и отдельных ее районов назначались из числа представителей непамирцев. Употребление местных языков в школе даже в устном общении было категорически запрещено. Исполнение песен на смотрах художественной самодеятельности на памирских языках не разрешалось. Представители интеллигенции, носившие традиционные местные тюбетейки, обвинялись в национализме, им предписывалось надевать на голову стандартные черно-белые тюбетейки ферганского образца.

Особенно вопиющим примером полного пренебрежения к нетаджикоязычным народностям Таджикистана явилось переселение язгулемцев, рошорвцев и бартангцев с Западного Памира в низменные хлопкосяющие районы в 50-ые годы. Напомним, что последнее из подобных «переселений народов» произошло уже в 1970 г., когда около двух тысяч я gnобцев было выселено из верховий Зерафшана в Зафарабадский район Ленинабадской области. Эти переселения стали настоящей трагедией для сотен семей. Неприспособленные к жизни в жарком низменном климате горцы массами вымирали. Только после отчаянных усилий, посыпки ходоков в Москву, некоторым семьям удалось вернуться обратно. Это «белое пятно» в истории памирцев еще тоже нужно стирать. Невольно приходит на память судьба балкарцев, калмыков, чеченцев, крымских татар и других народов, «наказанных» в свое время Сталиным. Разница заключается только в том, что здесь это делалось центральными властями республики как бы для блага несчастных горцев, хотя они вовсе не просили об этом благоустройстве.

Не следует забывать также и о том, что памирские народности за границей

внимательно следят за судьбой своих сородичей в Советском Союзе. Продолжающиеся попытки насильтвенной ассимиляции памирских народностей могут вызвать у зарубежных памирцев, уже и без того страдающих от шовинизма афганских таджиков и паштунов, резко отрицательную реакцию. Наоборот, признание за памирскими языками права на самостоятельное развитие, в частности, наличие местного радиовещания на этих языках, в свое время способствовало бы развитию добрососедских отношений в этом регионе.

Еще с конца XIX в. зарубежные памирцы с завистью взирали на судьбу своих родичей по другую сторону Пянджа, где они пользовались покровительством русских, защитивших их от национального гнета и от произвола эмирской Бухары. Надеемся, что традиции доброго отношения памирцев к русским, сохранявшиеся до нынешнего времени, не прервутся.

Культурные, исторические и политические связи Горного Бадахшана с Таджикистаном неоспоримы, нельзя подвергать сомнению и тот факт, что таджикский (точнее фарси или новоперсидский) язык с давних пор имеет прочные позиции на Памире в качестве второго языка. Вряд ли кто-нибудь претендует на то, чтобы оторвать памирские народности от Таджикистана или таджикского народа. Речь может идти лишь о фактическом признании права памирских народностей на культурную автономию, для чего есть все необходимые основания, в том числе и юридические. Статус памирских народностей как национальных меньшинств в составе Таджикской ССР в принципе решен самим наличием ГБАО, речь идет не о том, чтобы пересматривать границы и уже сложившееся положение, а о том, чтобы эта автономия из пустых слов стала реальностью. Решающее слово здесь, конечно, за самими памирцами и, в первую очередь, представителями интеллигенции.

Возникает вопрос, почему кому-то так необходимо превратить этот терминологический спор в важную политическую проблему? Ответ прост: это нужно для того, чтобы продолжать политику языковой и культурной ассимиляции местного населения Памира, игнорировать самобытность их древней культуры, в конечном итоге облегчить административно-бюрократической системе управление разнородным населением национальных окраин. Надо, наконец, понять, что каждая этническая, языковая или религиозная группа, живущая в нашей стране, сколь бы мала она ни была и каковы бы ни были ее отношения к другим, должна иметь полную свободу пользоваться родным языком или диалектом и развивать свою культуру в тех рамках и в том объеме, в котором представители этой группы сочтут необходимым. Решение этих вопросов, безусловно, не является прерогативой никаких центральных органов и не должно зависеть от заключений или рекомендаций каких-либо государственных или иных учреждений. Пора, наконец, понять, что этот вопрос правовой и без его справедливого решения невозможно создание правового государства, что сегодня стало нашей главной политической задачей. Решение это возможно только при реальном соблюдении прав каждой человеческой личности.